

**Воспоминания о Государственной Публичной библиотеке
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина**

Один из ответственных работников Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (в дальнейшем буду называть кратко ГПБ) давно уже просил меня написать о ней воспоминания к ее 150-летию.

Принимаюсь за это с большой любовью и благодарностью, так как я – давнишний читатель в ГПБ – с 1912 г. и она сыграла большую роль в моей жизни как научного работника.

Благодаря ее богатейшей коллекции материалов о Парижской коммуне я мог впервые рассказать о жизни и деятельности трех передовых русских женщин 1860-х годов – участниц Парижской коммуны 1871 г. (А. В. Корвин-Круковской-Жаклар, Елизаветы Дмитриевой и Е. Г. Бартеновой).

С ГПБ связана и моя работа в качестве библиотечного работника, библиографа и книговеда.

Я всегда хотел быть полезным ГПБ в благодарность за все, чем я ей обязан в своих знаниях и в своей научной деятельности.

В первый раз я вступил на порог ГПБ поздней осенью 1912 г. по возвращении из трехлетней сибирской ссылки.

Как сотрудник библиографического отдела журналов «Русская мысль» и «Запросы жизни», я нуждался в справках о некоторых авторах, русских и иностранных, и в ГПБ надеялся их достать.

Но надежды мои оправдались не сразу.

Вышла заминка с допущением меня в библиотеку, так как дежурного регистратора посетителей, выдававшего разовые пропуска, испугало мое проходное свидетельство, выданное в Ишимской полиции на два месяца. (Вследствие отсутствия у меня свидетельства об отбытии воинской повинности, я не мог сразу получить паспорт).

Когда же после переговоров регистратора с администрацией я получил разовый листок для входа в читальный зал, меня постигло большое разочарование во время розысков нужных мне книг.

Хотя ГПБ уже подходила к столетию своего существования, у нее не было еще систематических каталогов книг по гуманитарным наукам, исключая искусство.

Имелся только каталог иностранных книг, приобретенных библиотекой в 1863–1890 годах.

Заведующий читальным залом сказал мне, что каталоги, нужные мне, имеются в отделениях, но туда допускаются читатели лишь с особого разрешения директора.

Я решил к нему обратиться, причем пришлось долго дожидаться приема.

Принял от меня «прошение» о допущении в отделения глубокий старик, очень важный. (Впоследствии я узнал, что директором ГПБ был «его высокопревосходительство» действительный тайный советник Д. Ф. Кобеко, 75 лет,

автор трудов по генеалогии дворянских родов и по истории. Он строго придерживался устава ГПБ, по которому все, что выходит за границу на русском языке, и все российские издания, запрещенные цензурой, выдаются для чтения только лицам, имеющим чин не ниже 4-го класса (действительного статского советника). В другие отделения он допускал читателей только с особого своего разрешения. Для женщин-читательниц была отведена особая комната.

Когда на вопрос, почему у меня проходное временное свидетельство, я ответил, что вернулся из ссылки и еще не успел получить паспорт, он молча вернул мне «прощение» с резолюцией «отказать», и я ушел ни с чем.

Но в отделения библиотеки я все же получил доступ помимо директора-бюрократа, благодаря двум работникам отделения «Россика», в котором уже в то время было около 175 тысяч иностранных изданий о России в 230 тысячах томов.

Заведовал тогда отделением «Россика» Александр Исаевич Браудо, а его помощником был Александр Александрович Мейер.

С А. И. Браудо я познакомился вечером того же дня, в который был отвергнут Кобекой как посетитель отделений ГПБ.

Я застал Браудо в гостях у присяжного поверенного М. О. Могилевского, моего товарища по Киевскому университету, женатого на киевлянке, с которой я тоже был давно в дружбе.

Когда я рассказал в этой компании о моих злоключениях с Кобекой, Браудо заверил меня, что мои посещения отделений можно устроить через него, надо только, чтобы дежурному регистратору посещений при входе в библиотеку я сказал, что хочу видеть Браудо. Его вызовут и он проведет меня к себе в отделение, познакомит с другими заведующими отделений, и я смогу получить все справки и книги, которые мне нужны. Впрочем, Браудо предупредил меня, что систематические каталоги в отделениях далеко не закончены, а потому ими пользуются главным образом работники отделений, а из читателей очень немногие.

Кобеко сидит у себя в кабинете и в рабочих комнатах ГПБ не бывает, так что о проникновении туда нежелательных для него лиц он не может узнать.

С А. А. Мейером я познакомился через несколько дней у Д. С. Мережковского, его жены З. Н. Гиппиус и сотрудника «Речи» Д. В. Filosofova, которых я хорошо знал во время своей эмиграции, в 1906–1908 годах, в Париже, где они тоже жили втроем и регулярно еженедельно по средам принимали у себя посетителей, в том числе и некоторых эмигрантов из России.

Философов и Мережковские стояли в 1912 г. во главе Религиозно-философского общества, в котором активное участие принимал и Мейер, автор книг «Религия и культура» (1909), «Введение в философию религии. Лекции, 1910–1911» (1911). Кроме того, в начале 1912 г. он прочитал в Тенишевском концертном зале на Моховой ул. две лекции «Философско-религиозная мысль на Западе в XIX столетии».

Мейер был последователем Шлейермахера и Шеллинга, которые философию сливали с религией и свое иррациональное созерцание с верой в христи-

анского бога. Это не мешало Мейеру однако интересоваться и политикой, и революционным движением.

Выйдя от Мережковских вместе с Мейером (мы оба жили на Петроградской стороне), я разговорился с ним и узнал, что он тоже был в ссылке 5 лет в 1897–1901 гг. в Архангельской губернии, подвергался аресту в 1905 г., так как принадлежал тогда к группе «мистических анархистов». (После революции 1905 г. появились в России и такие анархисты).

Несмотря на поздний час, Мейер пригласил меня к себе, познакомил со своей женой. (Двое малолетних детей уже спали.)

Следя за зарубежной русской литературой, Мейер знал, что я был участником съезда русских анархистов-коммунистов-кропоткинцев в Лондоне в 1907 г. и выступал в печати под псевдонимом «И. Ветров». Оказалось, что не зная о моем псевдониме, Мейер тоже одно время подписывался псевдонимом «А. Ветров». Оба мы избрали его в память замученной жандармами в 1897 г. студентке М. Ф. Ветровой.

Мейер рассказал мне много интересного о ГПБ.

Библиотекари и их помощники работают 4 часа в день и получают заработную плату – жалование, столовые и квартирные, библиотекарь 2500 р., помощники библиотекаря – 1400 р., младший помощник библиотекаря – 1200 р. Никто за работой библиотекарей, занимающихся библиографической обработкой книг, не следит, и работа их протекает очень медленно. В году имеют двухмесячный отпуск, но часто не ходят на службу день-два в рабочие дни и это – в порядке вещей. Мейер совмещает работу в ГПБ с преподаванием логики и психологии в вузах, пишет иногда статьи в газетах и журналах, занимался и переводами с немецкого книг по философии.

В ГПБ к нему в отделение заходят товарищи по ссылке и тюрьме поговорить, назначают там свидания своим товарищам, живущим нелегально.

Почти все библиотекари с высшим образованием, кроме ГПБ, работают еще в других учреждениях или занимаются переводами и наукой или литературой.

Кроме высоких окладов, по службе в ГПБ все получают и чины.

В общем, служба в ГПБ почти синекура для библиотекарей и их помощников.

Мейер тоже обнадежил меня в моих стремлениях использовать ГПБ для разысканий революционной литературы.

Все иностранные книги о революции в России он может мне показывать уже по тому, что сам работает над библиографией иностранных изданий по истории революционных движений в России и составляет систематический каталог иностранных изданий о России. Все эти книги входят в «Россику» и ими распоряжаются Браудо и Мейер.

Позднее из разговоров о ГПБ с Браудо и Мейером я узнал, что Кобеко, директор ГПБ, встретил самочинное увеличение числа читателей после революции 1905 г. с неудовольствием, так как новые читатели были в большинстве – учащаяся молодежь из «низших» классов населения.

Из литературы я знаю, что при директоре Бычкове (до Кобеко) «в читальный зал ввели переодетых в форму служителей библиотеки городских и шпионов для того, чтобы арестовать студентов, которых разыскивала полиция». Опасаясь, что «пост директора может принудить его сделать такую пакость», В. В. Стасов отказался от предложения стать директором ГПБ¹.

Если до 1905 г. ГПБ сыграла огромную роль в распространении культуры в России, то происходило это помимо желаний ее директоров, благодаря таким ее работникам, как В. В. Стасов и А. И. Браудо, и потому, что занимались в ГПБ такие читатели, как Чернышевский, Писарев, Н. В. Шелгунов и другие писатели, а также многие ученые и выдающиеся политические деятели, в том числе Плеханов и Ленин.

Некоторые из заведующих отделениями очень рады были после 1905 г. появлению новых читателей и обслуживали их усердно, вопреки директору. Отделение «Россика» не только предоставляло свои книги членам партий с.-д. и с.-р., но и содействовало выдаче им книг и из других запретных отделений.

Впоследствии оказалось, что с А. А. Мейером я встречался только в Религиозно-философском обществе, а А. И. Браудо видел очень часто у моих друзей Могилевских и в его кабинете в ГПБ.

Могилевские рассказали мне, что Браудо имеет несколько орденов и с 1908 г. – статский советник. У него большие связи в высших сферах благодаря тому, что он работу в ГПБ совмещает с работой в покровительствуемом царицей благотворительном обществе «Трудовая помощь», где он заведует библиотекой, печатает ее каталоги и пишет в издаваемом обществом журнале. Принцессе Саксен-Альтенбургской, работающей в том же обществе, импонирует то, что Браудо, окончив в 1888 г. Дерптский университет, говорит по-немецки как природный немец. Она не раз поручала ему съездить по ее делам за границу.

Кроме того, почти все свои двухмесячные ежегодные отпуска он проводит за границей.

Его высокопоставленные покровители и не подозревают, что и во время своих поездок за границу и через своих друзей, бывающих за границей, он дает информацию в иностранную прессу о всех реакционных мероприятиях царского правительства, об арестах, расстрелах и всяких репрессиях, а также о революционных протестах, демонстрациях, митингах. По его инициативе в Париже выходила «Корреспонданс рюсс» и в Берлине «Руссише корреспонденц», которые печатали его информации в виде бюллетеней и рассылали их во все европейские газеты, не подкупленные царским правительством.

(Во время моей эмиграции в Париже, после 1905 г. «Корреспонданс рюсс» издавал С. В. Познер, мой хороший знакомый, отец Владимира Познера, теперешнего французского писателя и публициста, но я не знал тогда, что В. С. Познер действует по инициативе А. С. Браудо).

¹ Об этом В. В. Стасов пишет в письме брату Д. В. Стасову, приведенном в книге его племянницы Е. Д. Стасовой «Страницы жизни и борьбы». М., 1960. С. 7.

Браудо, благодаря своим связям в чиновном Петербурге, был знаком с начальником департамента полиции Лопухиным, от него узнал о провокаторской деятельности Азефа и свел Лопухина с представителями эсеров и с В. Л. Бурцевым, разоблачившими в конце концов Азефа, хотя ему верили даже такие члены боевой организации эсеров, как Савинков.

Браудо разоблачил преступления черносотенного Союза русского народа, открыл убийц Иоллоса и Герценштейна и организовал в Финляндии процесс против убийц Герценштейна.

Он помогал революционерам всех политических партий, боровшихся против самодержавия и скрывавшихся от полиции, укрывал некоторых на своей квартире и содействовал их бегству за границу.

Он принимал также активное участие в работе своей жены Любови Ильиничны, которая вместе с Марией Львовной Лихтенштадт возглавляла Комитет помощи шлиссельбургским узникам после 1907 г.

Он содействовал изданию и распространению написанных С. А. Басовым-Верхоянцевым (бывшим эсером, затем коммунистом) революционных сказок и памфлетов против самодержавия и буржуазии.

Мало кто знает, что у него есть брат, Василий, моложе его лет на пять, который состоял в группе народовольцев вместе с Ольминским, Ергиним и др., вел пропаганду среди рабочих, а будучи сослан в Восточную Сибирь после 1895 г., стал там социал-демократом и по возвращении из ссылки в 1904 г. был близок к большевикам, своим старым товарищам по народовольческой группе, ставшим большевиками.

Брат его тяжело заболел еще в Восточной Сибири хроническим нефритом и из опасения вторичного ареста в 1907 г. эмигрировал в Париж, где занимался переводами, которые доставал ему Александр Исаевич, видевшийся с ним ежегодно во время своих заграничных поездок.

Александр Исаевич много зарабатывает службой в двух местах и литературой и редакторской работой, но он же много и расходует на помощь революционерам и нуждающимся учащимся. Многим он дает работу.

Мне самому случалось стать свидетелем отзывчивости Александра Исаевича и готовности помочь людям.

Как-то я в его присутствии рассказал Могилевским о приезде из Ишима в Петербург моей бывшей ученицы, служившей в Переселенческом управлении. Начальник этого управления сошелся с нею, а когда она забеременела, уехал в Петербург. Она оставила родителей и поехала искать его. Оказалось, что он женат и «должен» ехать к своей семье. Ей он оставил 20 рублей и на письма не отвечал.

Вот этой-то обманутой девушке Александр Исаевич дал работу. Имея нужду в копировке карточек для систематических каталогов в ГПБ и в библиотеке «Трудовой помощи», он научил мою бывшую ученицу копировать точно библиотечные карточки и сам привозил их ей и получал от нее, щедро расплачиваясь за эту работу. Это продолжалось несколько месяцев, пока моя бывшая ученица не устроилась в одной семье управительницей хозяйства.

После начала Первой империалистической войны я несколько лет не посещал ГПБ, находясь на военной службе в Старой Руссе, в 178 запасном пехотном полку.

В марте 1917 г., после Февральской революции, я послан был делегатом от комитета в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и, кроме посещения заседаний Совета, занимался изданием своих революционных брошюр.

Но я продолжал изредка бывать у моих друзей Могилевских и встречал у них иногда А. И. Браудо.

От него я узнал, что Временным правительством в ГПБ довольны, так как при нем в апреле 1917 г. основана в Петрограде Книжная палата во главе с профессором С. А. Венгеровым, а в мае 1917 г. издан был закон об обязательной присылке всех выходящих в России произведений печати в Книжную палату.

Но вскоре довольство Временным правительством заменилось в ГПБ недовольством, так как комиссары Временного правительства в губерниях и уездах, долженствовавшие контролировать присылку в Книжную палату произведений печати, оказались не на высоте в этом контроле, и произведения печати попадали в ГПБ с большими пропусками.

Это было досадно тем более, что с начала Первой империалистической войны, с июля 1914 г., иностранные книги и периодика перестали получаться и обмен официальными изданиями с зарубежными странами тоже прекратился. От всего этого ГПБ сильно пострадала в своем комплектовании новыми книгами и новой периодикой.

Александр Исаевич рассказывал у Могилевских при мне, что Кобеко был недоволен тем, что «вместе с грязной водой (Распутиным) был выброшен и ребенок (царизм)», хотя и Кобеко пришлось «пострадать» от произвола Николая II. В 1910 г. царь вычеркнул его из списка присутствующих в Государственном Совете за то, что в качестве председателя Комиссии по выработке закона о печати он отстаивал уничтожение предварительной цензуры и ответственность печати только по суду.

В 1917 г. Кобеко шел уже 81-й год и он редко бывал в ГПБ. После приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов об отмене отдавания чести офицерам, сторожа и уборщицы ГПБ, дворники, курьеры, швейцары, вахтеры, истопники, монтеры, счетчики и технический персонал Читального зала, «вольнотрующиеся» писцы карточек, при встрече с Кобеко перестали называть его «высокопревосходительством». Проникновение в ГПБ солдат и рабочих в качестве читателей тоже ему не нравилось. Временное правительство он порицал за то, что оно не арестует Совет рабочих депутатов, как царское правительство сделало это в 1905–1906 годах. Черносотенные газеты запрещены, а большевистские и эсеровские выходят. Царскую семью и царских министров арестовали, а политических преступников выпустили из тюрем и из ссылки и каторги. Вернулись политические эмигранты из-за границы и даже такие опасные, как Ленин, о котором пишут в газетах, что он – немецкий шпион. Не может Временное правительство заставить солдат воевать, чтобы вы-

полнить долг перед союзниками Францией и Англией. Все это и многое другое заставляло Кобеко «не принимать» Временное правительство, как он говорил в интимной беседе Александру Исаевичу.

По рассказам Александра Исаевича, слышанным мною у Могилевских, я мог судить о политическом настроении всей верхушки ГПБ – библиотекарей и их помощников.

Старики – академик Бычков, член-корреспондент Академии наук Саитов и профессор В. В. Майков, а из более молодых В. Э. Банк высказывались за то, чтобы арестовать Петроградский Совет и этим прекратить такие «безобразия», как отставка Милюкова из-за апрельского протеста рабочих и солдатских масс против его ноты о верности союзникам и готовности продолжать войну до победного конца. «Безобразиями» считали они и организацию рабочей Красной гвардии, июньскую демонстрацию против наступления и июльскую демонстрацию против отправки на фронт солдат из петроградского гарнизона.

Эти четверо – Бычков, Саитов, Майков и Банк – одобряли июльские аресты большевиков, постановление об аресте Ленина и расформирование мятежных полков, участвовавших в демонстрациях 3 и 4 июля. Они жалели о том, что августовский поход генерала Корнилова на мятежный Петроград кончился неудачей, и надеялись, что сентябрьское Демократическое совещание, создавшее Предпарламент, сумеет обуздать массы.

Большинство же библиотекарей и их помощников, не одобряя во всем деятельность Временного правительства, стояло за коалицию с ним Петроградского Совета. Оно держалось позиции А. М. Горького и его газеты «Новая жизнь», которые в то время, как некоторое время после Октябрьской революции, поддерживали идею коалиции всех социалистических партий и критиковали большевиков за их стремление к социалистической революции, когда, по их мнению, «народ еще не готов к ней».

Сам Александр Исаевич тоже сочувствовал «Новой жизни» и Горькому, но при этом высказывался с большим уважением о Ленине и его партии.

Лично он Ленина не знал, большевистской газеты «Правда» не читал, но признавался, что верит в этом вопросе своему младшему брату Василию.

Брат Александра Исаевича в 1917 г. вернулся из Парижа и жил у него.

Василий Исаевич знал Ленина по Парижу и высоко ценил его и его партию, хотя и был вне ее. Жена Александра Исаевича тоже симпатизировала большевикам.

Разговоры с ними оказывали большое влияние на Александра Исаевича, но активным левым политическим деятелем его не сделали.

Этим объясняется та позиция, которую занял Александр Исаевич после государственного переворота, произведенного по инициативе Ленина большевистской партией и рабочим классом России 25 октября 1917 г.

Когда Союз союзов служащих государственных учреждений постановил устроить забастовку протеста против Советской власти на 16 и 17 ноября 1917 г., Совет ГПБ на своем заседании 15 ноября постановил, после речей по этому вопросу И. А. Бычкова, В. Э. Банка, В. В. Майкова, Ин. Ин. Яковкина, М. Л. Лозинского и Д. Д. Шамрая, присоединиться к ней. Александр Исаевич

присутствовал на этом собрании и не нашел в себе мужества, как он сам об этом нам говорил, высказаться против большинства товарищей по Совету ГПБ.

Лишь после того, как бывший технический работник Читального зала – пожарник Битков поднял всех технических работников Читального зала против Совета ГПБ и пустил читателей в Читальный зал и их стали обслуживать технические работники, Александр Исаевич первый высказался за отмену постановления Совета и возобновление обслуживания читателей библиотекарями и их помощниками, на что Совет ГПБ поспешил согласиться, понимая, что сопротивление бесполезно.

Отрицательное отношение к коммунистам у некоторых членов Совета ГПБ сохранилось и после Октября 1917 г.

В 1921 г., когда я стал собирать сведения о литературе Коминтерна для составления ее библиографии и обратился к заведующему русским отделением ГПБ Саитову за справками, он заявил мне с пренебрежением: «Мы этой литературы не держим», чтобы от меня отделаться. (Он считал меня коммунистом.)

После октября 1917 г. я не имел несколько лет никакого соприкосновения с ГПБ, да и Александра Исаевича не встречал у Могилевских, перестав бывать у них, так как был очень занят.

Я писал статьи за подписью «Интеллигент из народа» в «Известиях Совета рабочих депутатов», редактировавшихся Ю. М. Стекловым, и в «Правде», где бессменным секретарем была сестра В. И. Ленина Мария Ильинична, а редакторы часто менялись.

Но в марте 1918 г. я встретил Александра Исаевича случайно на Невском и от него узнал кое-что о ГПБ.

После своего восстания против Совета ГПБ, примкнувшего к стачке-протесту против Советской власти Союза союзов служащих государственных учреждений, низший персонал ГПБ, так называемые «служители», жившие в доме № 20 по Садовой ул., принадлежавшем ГПБ, устроили общее собрание. На нем они избрали свой отдельный Комитет и его председателем – коменданта здания ГПБ, бывшего военного писаря Сорокина, который, как и пожарник Битков и все низкие служащие, сочувствовал большевикам.

«Служители» охотно жертвовали на фронт теплые вещи и 8 декабря 1917 г. избрали двух делегатов (Сорокина и еще одного) в Хозяйственный и Библиотечный совет ГПБ, заявив, что они должны знать, не затевает ли Совет ГПБ какое-нибудь выступление против Советской власти.

Директор ГПБ Кобеко уволен и на его место назначен литератор и популяризатор по философии и литературным вопросам Аркадий Германович Пресс в звании правительственного комиссара.

Но уже через месяц и 10 дней, оказавшись совершенно неспособным к управлению ГПБ, 11 марта 1918 г. Пресс был уволен и правительственным комиссаром ГПБ стал ее библиотекарь Владимир Максимилианович Андерсон, работавший в ГПБ с 1901 г.

Прошло затем еще много месяцев, в течение которых я не видел Александра Исаевича и не имел никаких сведений о ГПБ.

За это время в моей жизни произошло важное событие. Я был приглашен в мае 1918 г. председателем Исполкома Петроградского районного совета Скороходовым на работу в качестве заведующего Культурно-просветительным отделом района, вскоре переименованным в Отдел народного образования.

Не знаю, каким образом об этом узнал Александр Александрович Мейер, но однажды он зашел ко мне в Отдел, чтобы поговорить. Он не знал, что статьи в «Правде» за подписью «Интеллигент из народа» мои и, как от бывшего члена Религиозно-философского общества, захотел узнать, как я смотрю на «захват власти большевиками».

Был голод, разруха, гражданская война, почти три четверти территории России были отрезаны от РСФСР белогвардейцами, в самом Петрограде было много контрреволюционеров, их арестовывали, некоторых расстреливали. Для буржуазии была введена трудовая повинность, по ночам происходили повальные обыски для изымания оружия и золота, на рынке были частые облавы на спекулянтов.

Мейер характеризовал это политическое положение и все, что Советская власть делает, чтобы не погибнуть, а укрепиться, как «дьявол в водевиле», «царство дьявола». Он высказал уверенность, что большевики скоро будут уничтожены.

Зная, что я высоко ценю Владимира Соловьева с его идеалом «царства божия», Мейер «не понимал», как я мог поступить на работу к большевикам. Сам он продолжает служить в ГПБ, потому что давно уже там служит и своей работой там большевиков не поддерживает.

Я начал объяснять Мейеру, что Октябрьская революция поставила цель всем областям культуры – философии, религии, науке, искусству и литературе – не поработать массы своей идеологией, а содействовать их раскрепощению. Этим большевики делают дело божье, хотя в бога не веруют.

Но тут пришли ко мне из Исполкома района по делу и я вынужден был прекратить свой разговор с Мейером. Больше я с ним не встречался.

Вскоре мне пришлось стать участником обогащения ГПБ книгами из дворцов аристократов и высших царских чиновников. Большую библиотеку имел бывший премьер граф Витте, живший в Петроградском районе в начале Каменноостровского проспекта. Тогдашний председатель Петроградского райсовета Скороходов поручил мне с моими сотрудниками свезти все книги Витте в соседний с Райсоветом национализированный дворец князя Горчакова для основания там Центральной библиотеки района. (В этом помещении теперь находится Райком КПСС и его партийная библиотека, в основу которой легла часть библиотеки Витте).

Для массовой районной библиотеки все иностранные книги Витте и русские специальные книги по железнодорожным и финансовым вопросам не были нужны и мы передали их в ГПБ.

(В нашу районную библиотеку были влиты и книги из частных библиотек богатой буржуазии района, бежавшей из революционного Петрограда на юг. Ненужные нам книги мы отсылали в ГПБ).

Знающих библиотечное дело в то время было мало. Несколько работников нашей районной библиотеки я командировал на открытые по инициативе Браудо при ГПБ 31 мая 1919 г. Высшие библиотечные курсы.

Я и сам вместе с женой, преподавательницей школы рабочей молодежи района, посещал эти курсы некоторое время для ознакомления с библиотечной техникой.

Таково было мое соприкосновение с ГПБ в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, когда ее книжные фонды общественного пользования возросли сразу в три раза и началась впервые работа ГПБ для новых читателей, борцов за Советскую власть и строителей государства нового типа.

Россия стала единственной страной в мире, в которой общественные науки перестали *оправдывать* эксплуатацию большинства неимущих меньшинством имущих для господства над ними, а обличали эту эксплуатацию и боролись с ней.

Этому стала служить и вся печать, весь государственный аппарат и все ресурсы страны, помогая при этом развитию печати в том же направлении коммунистических партий всех стран.

Россия стала с 1919 г. местом международных съездов вождей пролетариата всех стран и революционных элементов Востока, в ней стали основываться интернациональные школы для западных и восточных народов и издавалась их революционная печать.

Введение преподавания общественных наук во всех школах всех ступеней и создание рабочих факультетов и партийных школ породили небывалый спрос на литературу по общественным наукам.

Все значительное, что имелось в европейской и американской литературе, стало переводиться на русский язык. Это содействовало тому, что лучшие книги Запада выдвигались на первый план.

ГПБ по своему личному составу в 1918–1922 гг., кроме немногих исключений, не была в состоянии удовлетворить запросы нового читателя.

На 1 января 1918 г. в ней было 55 работников. Кроме А. И. Браудо, В. М. Андерсона и А. А. Мейера, это были И. А. Бычков, В. И. Сайтов, В. В. Майков, А. В. Гаркави, В. Э. Банк, Н. Р. Политур, Д. Д. Шамрай, В. А. Чудовский, М. Л. Лозинский, В. Г. Гейман и др.

«Служители» и технические работники могли воспрепятствовать двухдневной стачке-протесту Правления против Советской власти, но влиять на направление внутренней работы библиотеки не могли.

В 1918 г. личный состав ГПБ вырос в два раза, но новые служащие не только не были коммунистами, но и не «принимали» Советскую власть. В октябре 1918 г. поступил в ГПБ Д. В. Философов, прославившийся тем, что после появления повести Горького «Мать» напечатал в «Речи» фельетон «Конец Горького». Дескать, это не литература, а пропаганда. После закрытия «Ре-

чи» и других поносивших Советскую власть газет, некоторые их сотрудники (например, Изгоев) устраивались на «службу» в ГПБ, благо оплачивалась она недурно. Я, как зав. Отделом народного образования Петроградского района, получал в месяц 300 р., а в ГПБ платили вдвое и втрое больше.

Конечно, Философов, Изгоев и многие другие из вновь принятых были высокообразованными людьми, знавшими несколько иностранных языков, но поступали они в ГПБ не для использования своих знаний на пользу захватившему власть пролетариату, а только для того, чтобы переждать время, пока Советскую власть свергнут.

В начале 1920 г., видя, что дело со свержением Советской власти затягивается, Философов получил отпуск без сохранения содержания и бежал за границу (вслед за четой Мережковских, которые бежали туда раньше), чтобы (как и Мережковские) бороться пером против «сатанинской» власти в зарубежной печати.

В Архиве ГПБ я просмотрел документы об отпусках и увольнениях служащих в первые годы Советской власти. Одни не вернулись из отпусков. Другие получили отпуск и бежали, вероятно на юг, где сосредоточились «спасатели» России от большевиков, или за границу.

Советская власть боролась за свое существование против внутренней контрреволюции, очень сильной тогда в Петрограде, против вооруженных Антантой войск ряда генералов, мечтавших о лаврах Галифе. Партия большевиков в те годы ставила своих людей во главе рабочих военных отрядов, во главе народной милиции, районных административных отделов, рассылала их по деревням и селам. В ГПБ она не могла дать ни одного человека.

Лучшее, что она могла тогда сделать для ГПБ, она сделала: назначила своим комиссаром Андерсона.

Он занялся сбором русских запретных изданий, напечатанных за границей, руководил составлением их каталога и в 1920 г. напечатал его под заглавием «Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке».

Эта книга явилась хорошим пособием для рабфаковцев и всех, изучавших тогда историю русского революционного движения. Для справок она полезна и по сей день.

Андерсон получил из Особого отдела при Управлении бывшего Дворцового коменданта имеющуюся там конфискованную нелегальную литературу 1906–1910 годов и запрещенные к печатанию в России обзоры печати столичной, провинциальной и иностранной, в том числе о Николае II, его семье, Распутине, митрополите Питириме и о внутренней жизни России (см. Архив ГПБ. Ф. 2. Оп. 1. № 87).

В мае 1918 г. ГПБ стала управляться автономно: сами библиотекари и их помощники выбирали Правление, общим собранием решали важнейшие вопросы жизни ГПБ. Правление из 9 лиц намечало перемещение служащих из одного отделения в другое, присвоение им того или иного разряда по штату. Первым избранным на началах автономии директором ГПБ был Эрнест Леопольдович (он же Львович) Радлов, член-корреспондент Академии наук, бывший редактор

«Журнала Министерства народного просвещения», автор «Жизни и трудов Владимира Соловьева» и «Философского словаря», враг марксизма.

Шел ему уже 65-й год, он усердно занимался своими научными трудами по философии вообще и истории русской философии в частности, а дела ГПБ при нем вершил А. И. Браудо, избранный заместитель директора с конца мая 1918 г.

Благодаря влиянию брата и жены, сочувствовавших большевикам, Александр Исаевич оказался человеком, бравшим на себя инициативу во всех мероприятиях, которые подсказывались ГПБ В. И. Лениным и Наркомом просвещения А. В. Луначарским, чтобы ГПБ действительно способствовала «народному просвещению и развитию научного знания», как это рекомендовал ее новый устав.

Требовалось, чтобы наука была двинута работниками ГПБ в массы, прежде всего в головы рабочих, чтобы библиотека была способна отвечать на политические запросы читателей-рабочих, преподавателей рабфаков и партийных школ, а также на специальные вопросы работников хозяйственных, профсоюзных и военных учреждений, присылавших письменные требования на необходимые им списки литературы. Надо было, чтобы книга стала орудием коммунистического воспитания и служила социалистическому строительству.

Старая буржуазная политическая литература не годилась, даже по техническим вопросам многое устарело.

Были в ГПБ изданные в 1900-х годах Марией Малых в Петербурге отдельные сочинения Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Лафарга, Бебеля, Крупской, Воровского, Бонч-Бруевича и др., перепечатанные легально из заграничных изданий большевиков. Но они поступали в ГПБ в разное время и стояли на полках в разных местах, а среди работников русского отделения не было желающего дать их список.

Библиографические пособия для самообразования и политического просвещения, изданные в 1906 г., такие как Н. А. Рубакина «Краткий список лучших и наиболее доступных книг для сельских и фабрично-заводских читателей» и его же «Среди книг» (и даже 2-е издание в 3-х томах 1911, 1913 и 1915 гг.), Ст. Струмилина «Что читать социал-демократу», Гр. Нестроева «Библиотека социалиста», У. Шейнкамна «Каталог социалиста», не говоря уже о подобных указателях литературы других авторов, совершенно устарели.

Указатели литературы по профессиональному и кооперативному движению В. В. Саятловского 1917 г. и М. Слобожанина 1918 г. тоже содержали старую литературу.

«Библиографический указатель литературы по вопросам текущего момента с марта 1917 г.» Б. С. Боднарского, вышедший в Москве в 1917 г., был совершенно недостаточен.

Никто не догадался перепечатать из журнала «Рабочий мир» 1918 г. указатели Л. С. Цетлина «К. Маркс по-русски» и «Энгельс по-русски». Но и эти указатели, конечно, тоже были недостаточны, чтобы ответить на вопросы о текущей политике массовому читателю.

Указатели необходимой массовому читателю политической литературы все же первыми стали выпускать в 1922 г. большевики: В. И. Невский («Указатель книг для библиотек при фабрично-заводских предприятиях и рабочих клубах», издание ВЦСПС) и П. Н. Лепешинский («Программа по истории РКП». Подробный библиографический указатель, напечатанный в журналах «Пролетарская революция» и «Вестник агитации и пропаганды» за 1922 г.).

Даже по технике и аграрному вопросу первые библиографические указатели вышли не из ГПБ («Рабочая библиотека. Каталог изданий Государственного технического издательства» в Москве 1922 г. и «Систематический каталог изданий Народного Комиссариата земледелия», 1919–1921 гг., вышедший тоже в Москве в 1921 г.).

Александр Исаевич Браудо понимал, что те высокообразованные библиотекари и их помощники, которые составляли *постоянный* контингент работников ГПБ, ее 12 отделений и Читального зала, не могут сразу все перейти на обслуживание нового читателя.

В отделениях продолжались занятия по проверке книжной наличности по инвентарю, писание попутно недостающих карточек для систематического каталога и сведение в коллекции книг, представляющих серию, но приобретенных раздельно и стоящих в библиотеке в разных местах (см. Архив ГПБ. Ф. 2. Оп. 1. № 4. Отчет о деятельности отделений за 1917 г.).

В отделениях после умершего в 1906 г. В. С. Стасова господствовали кустарщина, замкнутость, рутина, аполитичность, отсутствие передовых теоретических установок в работе вообще и для масс в частности.

Косность работников поддерживалась и тем, что в 1918–1920 годах количество читателей в ГПБ было невелико. Оно состояло из немногих научных работников, которые теперь свободно допускались в отделения, а больше всего из учащихся школ 2-й ступени, наводнявших читальный зал ради учебников, которых в продаже не было.

В Петрограде был голод и разруха, оставленные ему в наследство войной и Временным правительством. Население Петрограда уменьшилось втрое. Бюрократы и богачи убежали. Цвет пролетариата Петрограда был на фронтах борьбы с контрреволюцией и интервенцией.

ГПБ не отапливалась. Читальный зал был переведен в канцелярию, где топилась временная печка. В отделениях занимались с ноября по май в шубах. Электрический свет подавался лишь в известные часы.

Комплектование ГПБ литературой, выходящей в стране, было в плачевном состоянии. Получалось из-за гражданской войны не более одной четверти выходивших в РСФСР книг.

Наибольшее внимание было обращено на запросы государственных советских учреждений, требовавших книг и указаний на литературу.

При отделении изящных искусств, которым ведал М. Л. Лозинский, был создан «прикладной» подотдел, в котором стала собираться литература по техническим дисциплинам.

В сентябре 1918 г. создано было Справочное бюро (позднее оно развернулось в Консультационно-библиографический отдел – КБО), которым заведо-

вал сам Александр Исаевич, а его ближайшей помощницей, очень энергичной, была Лидия Иосифовна Олавская.

Дочь инженера, Олавская окончила в 1912 г. Высшие женские курсы, знала 4 иностранных языка, была преподавательницей истории в двух частных средних школах и в рабочей школе Экспедиции заготовления государственных бумаг, а с 11 сентября 1917 г. стала сотрудницей исторического отделения ГПБ.

В Справочном отделе она работала по совместительству.

В первую очередь были выделены разбросанные по всем отделениям справочники и библиографические указатели на русском и иностранных языках, скопированы и сосредоточены в Справочном бюро.

Бюро стало устраивать выставки книг и статей в Читальном зале для пропаганды литературы по истории революционного движения в России и в Европе и о 1 Мая, а летом 1920 г., во время Второго конгресса Коминтерна, – по истории социалистической мысли. Были также выставки к 100-летию со дня рождения И. С. Тургенева и к 50-летию со дня рождения А. М. Горького, о педагогах Коменском, Песталоцци и Фребеле.

Одновременно Александр Исаевич распорядился, чтобы фонд библиотеки Читального зала был пополнен часто спрашиваемой литературой из отделений и чтобы для всех книг читального зала был составлен алфавитный и предметно-систематический каталог и каталог персоналий. Для этого был приглашен на время ряд новых сотрудников и сотрудниц с высшим образованием и знанием иностранных языков. Предполагалось устроить и пневматическую передачу требований читателей в отделения.

Самая важная работа Справочного бюро началась после того как в июле 1918 г. на 1-м Государственном библиотечном совещании в Москве Александр Исаевич Браудо внес два проекта: об обмене книгами между научными библиотеками РСФСР и об организации справочных бюро при всех научных библиотеках.

Оба эти проекта, согласные с директивами В. И. Ленина по библиотечному делу, были утверждены совещанием.

Обмен книгами между научными библиотеками в масштабе всего РСФСР, когда три четверти страны были отрезаны белогвардейцами, пришлось временно ограничить Петроградом и Москвой. Но налаживание межбиблиотечного обмена и в этих городах требовало большой предварительной работы по составлению списков научных библиотек, по выявлению специфики их фондов, по составлению для них систематических каталогов для книг и периодических изданий, русских и иностранных.

Без этих предварительных работ нельзя было ответить и на вопрос, в какой библиотеке находится нужная читателю книга или журнал, нельзя было приступить и к составлению рекомендательных списков книг и статей по разным вопросам, в которых нуждались читатели.

Должен был быть составлен и систематический *сводный* каталог иностранных поступлений от научных библиотек с 1 августа 1914 г. и на эту тему Александр Исаевич прочитал доклад в Комиссии государственных и академических библиотек в Москве.

По его инициативе начаты были работы по созданию Сводного каталога иностранной периодики, имеющейся в ГПБ, в библиотеках Академии наук и Гос. университете в Петрограде и в московских научных библиотеках, где этим занялась Румянцевская библиотека.

Браудо принадлежат статьи «Первые шаги к объединению деятельности русских библиотек» и «Печатание карточек для библиотечного каталога» в 1-й книге «Библиотечного обозрения», начавшего свой выход в свет осенью 1919 г. также по его инициативе (централизованное издание печатных карточек началось с 1924 г.).

В этих статьях были развиты мысли, выраженные в его докладах о систематическом и сводном каталоге в Комиссии государственных и академических библиотек на 1-й библиотечной сессии в Москве, происходившей с 25 января по 1 февраля 1919 г.

Там же он работал и в комиссиях по централизации библиотечного дела и по выработке проекта книжной секции при Наркомпросе.

Созданием справочного отдела он занялся и в Одессе, уехав туда в отпуск в мае 1919 г., чтобы привезти оттуда семью, и застряв там из-за Гражданской войны. (До декабря 1920 г. он был в Одессе директором городской публичной библиотеки).

Но еще до отъезда Александра Исаевича в Одессу, по его инициативе, Комитет государственных библиотек при содействии Общества библиотекведения в ГПБ открыл первые Высшие библиотечные курсы для библиотекарей, имевших общую вузовскую подготовку (о курсах упоминалось выше).

После возвращения из Одессы в 1921 г. Александр Исаевич создал 2-й читальный зал иностранных новинок ГПБ, превращенный в 1922 г. в Кабинет иностранной литературы Лидией Иосифовной Олавской, также по инициативе Александра Исаевича.

В 1922 году со всеми генералами-контрреволюционерами и с интервентами было покончено. В Петроград стали возвращаться воевавшие рабочие и крестьяне. Многие поступали на рабфаки и в партшколы. Вышло постановление о введении экзаменов по политграмоте для всех служащих государственных учреждений. Появились многочисленные курсы по политграмоте и марксистские кружки при рабочих клубах, а при Госуниверситете Научное общество марксистов. Посещения ГПБ участились. Начались требования на марксистскую и партийную литературу, посвященную новейшим политическим событиям.

Как указано выше, в 1922 г. появились указатели на эти темы Невского и Лепешинского. Главполитпросвет, возглавлявшийся Н. К. Крупской, издавал библиографический «Бюллетень книги». Госиздат в Москве стал издавать журнал «Печать и революция», а за год раньше (в 1921 г.) стал выходить в Петрограде журнал «Книга и революция» под редакцией М. К. Лемке и затем К. А. Федина.

Между прочим, там были напечатаны и мои обзоры литературы с аннотациями о X съезде РКП (б) и о III Интернационале и порожденной им литературе.

Александр Исаевич, конечно, читал все эти журналы и особенно журнал «Книга и революция».

Но связался он со мной по следующему поводу.

Летом 1922 г. я провел курс «Обзор литературы по социальным наукам» на курсах книговедения при Петроградском институте книговедения.

Курс этот лег в основу моей книги «Что читать по общественным наукам», законченной 31 декабря 1922 г. и напечатанной партийным издательством «Прибой» в мае 1923 г. в 6000 экз.

Через 2 недели издание разошлось и изд-во «Прибой» заключило со мной договор на 2-е издание, исправленное и дополненное, которое 23 августа 1923 г. было закончено, разросшись до 490 страниц. Оно вышло в 1924 г. тиражом в 10 тыс. экз.

Александр Исаевич заранее узнал о предстоящем выходе этого 2-го издания, имевшего подзаголовок «Систематический указатель коммунистической и марксистской литературы 1917–1923 годов. Составлен применительно к сокращенным таблицам десятичной международной классификации книг, обязательной во всех библиотеках».

В этот указатель вошли не только новые книги и брошюры (и отдельные журнальные статьи), но и переизданные старые, которые до 1917 г. подвергались конфискации и были известны лишь в подпольных изданиях или под измененными, для отвода глаз цензуры, названиями.

В отдельных случаях в указателе рекомендовались хорошие старые книги, которые еще не были переизданы, указывались рецензии на книги и брошюры.

По вопросам: марксизм, коммунизм, история РКП (б), Коминтерн, комсомол, женский вопрос, рабочий вопрос, научная организация труда, кооперация – дана была почти исчерпывающая библиография, включая и названия журналов и имеющуюся библиографию.

Негодные книги отмечены особой оговоркой или ссылкой на авторитетную рецензию.

Каждая книга характеризовалась впереди нее стоящей цифрой со стороны ее доступности, а звездочкой отмечались наиболее ценные книги каждой подгруппы. (Это была система знаков, заимствования из «Бюллетеня книги» Главполитпросвета).

Указатель заканчивался книгами, вышедшими до 1 июля 1923 г. и содержал свыше 5 тысяч названий.

В 1917–1922 гг., из-за Гражданской войны и интервенции, когда 3/4 России были заняты белогвардейцами и интервентами, литература поступала лишь изредка и очень неполно в Книжную палату и в ГПБ. Наиболее полно она поступала от агентов-закупщиков в Ленинградский Госиздат, которым заведовал тогда пролетарский поэт – бывший шлиссельбургский узник – коммунист Илья Ионов. От него я получил разрешение использовать для 2-го издания моего указателя несколько шкафов хранившейся в Госиздате на Невском, [д.] 28 новой литературы со всех концов России. Там *de visu* я и описал всю эту литературу плюс ту, которую издали «Прибой» и Госиздат.

Так как мой указатель давал готовые индексы книг по десятичной системе, а 12 января 1921 г. Главполитпросвет, в ведение которого перешли *все* библиотеки, постановил, чтобы все они до 1 января 1924 г. перешли на десятичную систему, то Александр Исаевич решил использовать мой указатель в помощь работникам ГПБ.

С 1923 г. все без исключения новые книги на русском языке индексировались и в ГПБ по сокращенным таблицам десятичной классификации, составленным Особой комиссией при Главполитпросвете для обязательного употребления в библиотеках СССР и напечатанным еще в 1921 г. в 40 тыс. экземплярах в Гомеле и в том же году переизданным в Москве.

Но индексация книг шла в ГПБ медленно, так как книг стало поступать с каждым месяцем, по мере продвижения Красной Армии, все больше и больше, «Книжная летопись», с 1921 г. производившая регистрацию книг тоже по десятичным таблицам, печаталась с большим опозданием, а сотрудников-индексаторов в ГПБ было мало.

Александр Исаевич попросил меня еще до выхода в свет моего указателя, в начале 1924 г. предоставить ему два экземпляра его, еще не сшитых в книги, чтобы по ним выделить недостающие в ГПБ книги и брошюры, имеющиеся в указателе, вырезать их и по ним произвести дополнительное комплектование лакун ГПБ путем покупки. Указатель служил и для снабжения индексами книг, еще не индексированных. Алфавитный указатель рубрик и имен авторов, данный в конце указателя, облегчал всякие справки.

Тогдашний руководитель изд-ва «Прибой» С. М. Закс-Гладнев, которому я сообщил о намерениях Александра Исаевича относительно применения моего указателя в работе ГПБ, предоставил мне два еще не сшитых экземпляра из напечатанных и сверстанных, которые я передал Александру Исаевичу.

Как мне говорил Александр Исаевич в начале июля 1924 г., незадолго до его отъезда в заграничную командировку по делам ГПБ, мой указатель начал использоваться каталогизаторами Читального зала.

Больше я Александра Исаевича не видел. Впоследствии я узнал, что после работы по ознакомлению с методами каталогизации и по восстановлению связей по обмену книгами в национальных библиотеках Берлина, Вены, Парижа и Брюсселя, он поехал в Лондон в библиотеку Британского музея для той же цели и там внезапно умер от разрыва сердца 8 ноября 1924 г.

В течение 1925–1928 годов я имел соприкосновение с ГПБ однажды как директор Института книговедения и в течение двух лет как читатель в Кабинете иностранной литературы при следующих обстоятельствах.

Появление в печати 2-го издания моего указателя марксистской литературы по общественным наукам было замечено уполномоченным Главнауки в Ленинграде В. Б. Томашевским.

Он пригласил меня к себе и предложил занять должность директора Института книговедения, организованного еще в октябре 1920 г.

Он сообщил мне, что до 21 октября 1924 г. директором Института книговедения после смерти проф. С. А. Венгерова был академик Н. К. Никольский, а впоследствии избрания его директором Библиотеки Академии наук на его место был приглашен профессор по кафедре истории русской литературы В. В. Сиповский. По словам Томашевского, в Институте – хозяйственный развал, а главное – Сиповский не марксист, я же – член Научного общества марксистов, и в 1923 г., в присутствии Томашевского, там был одобрен мой доклад о П. Л. Лаврове по случаю столетия со дня его рождения, и я же – преподаватель истории рабочего движения на Западе в Коммунистическом университете в Таврическом дворце (тогда имени Зиновьева).

Сиповский разработал в ноябре 1924 г. проект устава Института книговедения как научно-исследовательского и научно-практического учреждения, но Главнаука его не одобрила, так как он не мог быть полезен для пропаганды марксизма. Тогда 19 января 1925 г. проф. Сиповский представил в Главнауку новый производственный план Института – максимальный и минимальный.

1-й состоял из отделов: 1) Научно-исследовательский по шести кафедрам книговедения. Он же подготавливает научных сотрудников и занимается популяризацией книговедения; 2) Библиографическое бюро должно составлять указатели по книговедению и другим вопросам и издавать «Журнальную летопись»; 3) Картотека будет составлять алфавитный и систематический указатели журналов, прежде всего по книговедению, будет заниматься расписыванием сборников, выдачей справок по журналам, подготовкой к печати указателей по разным вопросам; 4) Библиотека, получая обязательные экземпляры, будет устраивать ежемесячную выставку новых книг; 5) Музей книговедения будет изучать историю книги и будет открыт для посетителей.

Минимальный план исключил весь 1-й научно-исследовательский отдел (Лен. обл. архив Окт. рев[олюции]. Ф. 8741. Оп. 1. № 337. Л. 31–31 об.).

Этот план тоже не был одобрен Главнауки, так как он ничего не говорил о пропаганде марксизма.

В Институте книговедения работали тогда три выдающихся книговеда: член-корреспондент Академии наук А. И. Малеин, бывший редактор журнала «Книжная летопись» при Главном управлении по делам науки А. Д. Торопов и проф. А. М. Ловягин, но не они были привлечены Сиповским к составлению требовавшегося плана, а тогдашний ученый секретарь Института книговедения архивный работник Е. В. Самойлов и зам. директора по хозяйственной части пролетарский писатель М. В. Черноков, оба очень далекие от понимания вопроса книговедения.

Вступив в должность исполняющего обязанности директора Института книговедения, я отстранил от работы Е. В. Самойлова, который очень редко бывал на работе, а вместо него и М. В. Чернокова, оставленного хозяйственником; привлек в Институт в качестве члена Правления представителя агитационного отдела Губкома партии – зав. издательством «Прибой» С. М. Закса-Гладнева; членом Правления стала и Л. В. Булгакова в качестве ученого секретаря института.

В течение месяца я представлял новому Правлению составленное мною Положение о Научно-исследовательском институте книговедения, целью которого ставились: 1) организация научных исследований в области книговедения в духе революционного марксизма и ленинизма; 2) изучение вопросов книговедения, вызываемых государственными потребностями; 3) подготовка научных работников по книговедению; 4) популяризация научного книговедения в духе марксизма; 5) консультационно-справочная деятельность.

Положение было одобрено Правлением и отослано в Главнауку.

Через месяц после поступления на работу в Институт книговедения я был утвержден в должности директора Главнаукой. План мой был напечатан в «Правде» в № от 8 июня 1925 г. под заглавием «Задачи Института книговедения» за моей подписью как директора Института книговедения.

Главнауке, которую возглавлял старый большевик Ф. Н. Петров, особенно понравилось в плане составление ряда систематических аннотированных указателей наилучшей литературы для читателей разной подготовки, занимавшихся в марксистских кружках при рабочих клубах и учебных учреждениях, в партийных, комсомольских и женских организациях.

Одни указатели сотрудники института должны были составить единолично, другие – коллективно. Работа между ними была мною распределена с общего согласия сотрудников.

Вскоре вышел в издании «Прибоя» указатель литературы для женских кружков, составленный ученым секретарем института Л. В. Булгаковой. Но с его выходом печатание прекратилось.

Помешало этому делу изменение направления работы института. Под влиянием директора Книжной палаты Н. Ф. Яницкого, Ф. Н. Петров решил сделать Институт книговедения исследовательским научным учреждением главным образом по таким теоретическим вопросам, как книжное хозяйство, техника книги, формы ее и т. п., уделяя библиографии третьестепенное место.

Институт книговедения был подчинен ГПБ.

Меня эти новые задачи Института книговедения не интересовали. Да я и не мог начать их изучать вплотную, будучи занят преподавательской работой в Коммунистическом университете и подготовкой 3-го издания моего указателя литературы по общественным наукам, на которое у меня был договор с «Прибоем».

В итоге с конца ноября 1925 г. я «по собственному желанию» ушел из института. Его директором стал член Правления ГПБ А. Е. Плотников.

Вместе с Ин. Ив. Яковкиным (он был заместителем директора ГПБ) А. Е. Плотников принял от меня дела Института книговедения 26 ноября 1925 г., причем я и ученый секретарь Л. В. Булгакова представили им обстоятельным устный отчет о проделанной работе.

Было признано, что Институт книговедения при мне проделал большую и полезную работу по библиографированию периодики за годы революции и всей литературы по книговедению, по созданию Консультационно-справочного бюро с особой картотекой и Курсов книговедения для подготовки работников по книжному делу и по библиографии.

Все картотеки института перешли в ГПБ и принесли ей большую пользу.

Уйдя с поста директора Института книговедения, я однако не прекратил в нем работу.

Во-первых, с 15 января 1926 г. я читал на его Курсах книговедения для библиотекарей и работников книжных магазинов курс по библиографии обществоведения, а во-вторых, на его секции по теории, методологии и истории библиографии прочитал ряд докладов: 1) Десятичная классификация наук с точки зрения марксизма (16.10.1926); напечатан под заглавием «К вопросу о марксистской классификации знаний» в журнале «Библиография», М., 1929, № 2/3; 2) Библиография и научная организация труда (12.02.1927; напечатано в журнале «Печать и революция», 1928, № 4); 3) Критическая библиография и ее организация в связи с рационализацией хозяйства вообще и издательского дела в частности (14.11.1927); 4) Опыты марксистской классификации знаний, их критика и проект новой установки (16.05.1928); 5) Задачи библиографии по истории Парижской коммуны (13.03.1929); 6) Разбор № 1 журнала «Библиография» (12.06.1929); 7) Принципы составления картотеки исторического кабинета Ленинградского института марксизма (ЛИМ) (15.11.1929).

Я прекратил в Институте книговедения чтение докладов только после того, как библиографические темы совершенно были исключены из его плана и заменены темами о производстве книги.

В октябре 1927 г. я заболел горлом и стал говорить очень тихо, так что чтение лекций по истории и библиографии было мне врачами запрещено.

Я переключился на научно-исследовательскую работу по истории и занялся вопросом о русских участниках Парижской коммуны 1871 г. и о профессиональном и партийном составе ее членов.

Так как в ГПБ имеется богатейшая коллекция книг, газет, листовок и плакатов эпохи Парижской коммуны, то я стал ее ежедневным посетителем.

Директором ГПБ был в то время академик Н. Я. Марр. По его указанию меня устроили на большом отдельном столе, предоставив в мое распоряжение сразу все книги и газеты, изданные Коммуной 1871 года, какие я требовал, пользуясь хорошо составленной в ГПБ картотеккой коллекции по Коммуне.

Я был допущен и к полкам, на которых стояли книги о Коммуне, и это дало мне возможность выбрать то, что мне требовалось в процессе работы.

Благодаря этим условиям работы в ГПБ в качестве читателя, я накопил в то время материалы для ряда статей о русских деятелях Коммуны и о составе ее членов, которые потом были напечатаны, и я пользуюсь этими материалами по сей день.

Наиболее близкое непосредственное соприкосновение с ГПБ я имел в 1930–1935 гг., когда работал в Библиотеке Ленинградского отделения Коммунистической академии, которое по его инициалам называлось ЛОКА.

В Библиотеке ЛОКА я заведовал библиографическим отделом и был заместителем директора.

Как зам. директора Библиотеки ЛОКА, я был приглашаем на заседания ГПБ, когда в 1930 г. туда приезжала от Сектора науки Наркомпроса тов. Рудомино, чтобы инструктировать представителей наиболее крупных библиотек Ленинграда по вопросу о реорганизации их структуры.

До 1930 г. в отделениях ГПБ разнообразно строились их каталоги, книги между ними были распределены нецелесообразно, не было четкой связи между отделениями.

Новая структура установила отделы функциональные и нефункциональные. К первым принадлежали отделы комплектования, обработки, хранения и обслуживания, ко вторым – отделения рукописей и старопечатных книг, инкунабулов, восточное, еврейское, нотное, эстампов, картографии, спецхранения, секретное, статистики, Дом Плеханова, Высшие курсы библиотековедения, фотокабинет, типографии, финхозчасть.

Отраслевые отделения (социально-экономическое, физико-техническое, литературы и языкознания, искусства, медико-биологическое, военное и др.) стали обслуживаться функциональными отделами по одному принципу, целесообразно и четко.

А с 7 декабря 1930 г. при ГПБ стала работать Ассоциация справочно-библиографических отделов научных библиотек Ленинграда, в которую вошел и я от справочно-библиографического отдела Библиотеки ЛОКА.

Эта Ассоциация имела свою предысторию.

В 1919 г. стал составляться в ГПБ *сводный каталог периодики* на иностранных языках с участием библиотек АН, университета и научных учреждений Петрограда, присылавших сведения о своей иностранной периодике с 1914 г.

К 1930 г. в этом сводном каталоге участвовало более 200 библиотек Ленинграда.

С 1924 г. при ГПБ начала составляться и *сводная картотека книг* на иностранных языках, имевшихся с 1920 г. в 50 библиотеках Ленинграда.

По сводным каталогам иностранной периодики и книг выдавались справки о том, в какой библиотеке есть требуемые читателями иностранный журнал или книга.

Так как Библиотека ЛОКА пользовалась справками из этих сводных каталогов ГПБ, то и она была привлечена к этой работе.

Но Ассоциация справочно-библиографических отделов специальных библиотек поставила перед собой более широкую задачу организационного характера: координировать работу библиотек для избежания в ней параллелизма.

В этой-то работе Ассоциации я участвовал с самого начала в течение четырех лет как член Бюро (или Правления) Ассоциации и как член Редакционной коллегии Информационного бюллетеня, который стало издавать Бюро.

Лидия Иосифовна Олавская была душой Ассоциации: она составила ее устав (Положение) и подготавливала годовые производственные планы и отчеты о работе Бюро Ассоциации для общего собрания (плenums) справочно-библиографических бюро библиотек, входивших в Ассоциацию.

Чтобы уточнить свои воспоминания об Ассоциации, я просмотрел в Архиве ГПБ протоколы заседаний «Объединения справочно-библиографической работы специальных библиотек» (Фонд 7. Оп. 1. № 11, 24, 34, 39, 53).

Проект устава Ассоциации обсуждался по пунктам, дополнялся и исправлялся на первом заседании 7 декабря 1930 г. в присутствии 68 собравшихся и на заседаниях 22 и 28 декабря 1930 г. и 19 января 1931 г. избранным на 1-м заседании Бюро из 9 человек. Решения Бюро подлежали утверждению пленума, который должен был собираться не реже одного раза в 3 месяца.

Надо было установить единообразные формы работы справочно-библиографических бюро научных специальных библиотек, сроки выполнения ими запросов, правила вхождения отдельных библиотек в Ассоциацию и выбытия из нее и т. п.

По моему предложению, информационным центром Ассоциации было признано Бюро ГПБ.

На заседании 19 января 1931 г. в Бюро кооптирована была В. Н. Струлева как его секретарь и обсуждена была составленная Я. П. Гребенщиковым анкета для рассылки в справочно-библиографические отделы ленинградских библиотек. Анкета была разослана в 137 библиотек для вовлечения их в Ассоциацию и для выяснения их специфики.

Но до половины декабря 1931 г., т. е. почти за год, на анкету ответили только шесть библиотек. Они прислали и составленные ими библиографические списки.

Бюро Ассоциации при ГПБ решило послать в библиотеки Ленинграда О. М. Котельникову для их опроса по пунктам анкеты.

Для привлечения библиотек в Ассоциацию, библиографические списки присоединившихся шести библиотек были разложены в Бюро ГПБ и разосланы в библиотеки, которые могли их использовать по своей специальности, был также отпечатан на ротаторе список тем по технике и разослан в 227 технических и массовых библиотек Ленинграда.

В итоге, к концу 1931 г. в Ассоциацию вошли 32 специальные библиотеки, но активно участвовали в ней только 12.

В план работы Бюро на 1932 г. было включено издание библиографического «Информационного бюллетеня» – 6 книжек в год по 500 экз. Мне было поручено к 29 декабря 1931 г. составить детально разработанный план этого издания.

4 января 1932 г. план был обсужден на заседании Бюро и оно постановило:

«План, предложенный т. Книжником, одобрить как со стороны содержания, так и формы и напечатать его в № 1 Бюллетеня. Включить в этот № списки библиографически разработанных тем, обработав и пополнив для этого уже отпечатанные списки...» Раздел библиографии библиографии, еще не готовый, «временно опустить, включив в № 1 списки иностранных справочников, поступивших в ленинградские библиотеки (начиная с 1925 г.), и хронику (по материалам, собранным О. М. Котельниковой)».

«На 17.01 в 5 ч. веч[ера] созвать Пленум Ассоциации, которому предложить: заслушать отчет Бюро о работе за 1931 г.; обсудить план издания Бюллетеня и избрать редакционный коллектив. Поставить на повестку также вопрос о членских взносах, которые установить в 5 руб.».

Но так как библиографические списки проработанных тем поступили в Бюро лишь от одной библиотеки, то списков пока решили не печатать, а № 1 Бюллетеня выпустить в конце февраля 1932 г., чтобы избежать параллелизма в работе справочных бюро. В № 1 решено в качестве вводной статьи поместить план издания Бюллетеня, написанный мною (он дан под заглавием «От Редакции», без подписи).

На заседании Бюро 4 февраля 1932 г. была избрана редакционная коллегия Бюллетеня, в которую вошли Виридарский, Гребенщиков, Олавская и я. Мне было поручено редактирование присланных списков справочных изданий и внешнее оформление всего материала.

9 февраля Бюро решило выпустить № 1 в 400 экз., 100 разослать в библиотеки бесплатно, а остальные выпустить в продажу, объявить подписку и по ее результатам определить тираж следующих номеров.

На заседании 2 марта 1932 г. решено продавать Бюллетень членам Ассоциации по себестоимости, а не-членам – по 3 рубля.

Так как я предложил сообщить о выходе в свет № 1 на ближайшем заседании Общества библиоковедения, то меня попросили сделать там это сообщение и прочитать вводную статью к № 1.

В течение 1932 г. была обследована библиографическая работа в 58 библиотеках и выпущено 5 номеров Бюллетеня общим тиражом на пишущей машинке всего в 182 экз., из-за недостатка средств и трудности получения бумаги.

В Бюллетене было только два раздела: списки библиографически разработанных тем, редактировавшиеся мною, и Хроника библиографической работы, редактировавшаяся Я. П. Гребенщиковым. За год было указано 1474 разработанные темы, присланные 21-й библиотекой. В Хронике было дано 45 сообщений.

С 1933 г. ГПБ получила технический уклон, так как 250 заводов обратились к ней за техническими справками. Библиотека стала принимать от заводов *платные* заказы на библиографию. Это дало ей возможность разослать по заводам ряд библиографических бюллетеней по технике и создать сводный каталог технической периодики, выписывавшейся техническими библиотеками Ленинграда с 1931 г.

В ГПБ появились консультанты по технике.

Был выпущен Предметный указатель библиографических справок, выполненных библиотеками Ленинграда в 1933 году.

Ассоциация справочных отделов библиотек Ленинграда в ГПБ с 1934 г. получила новое название: Объединение справочных отделов (ОСО).

ОСО, по инициативе Л. И. Олавской, организовало выставку по справочно-библиографической работе библиотек Ленинграда и конференцию работников справочно-библиографических отделов.

В ОСО к концу 1934 г. входили 23 библиотеки (одна отошла вследствие изменения ее профиля). Бюро ОСО выпустило: 1) 5 номеров Бюллетеня в количестве 74 экз. из-за отсутствия бумаги; 2) предметный указатель библиографических справок, выполненных библиотеками Ленинграда за 1932 и 1933 гг., в 14 экз.; 3) начало составление картотеки библиографических работ, ведущихся в 75 библиотеках Ленинграда; 4) собрало 186 анкет для издательской комиссии библиотечного справочника; 5) дало консультации и оказало методическую помощь по справочно-библиографической работе 68 библиотекам; организовало выставку по справочно-библиографической работе 72 библиотек, причем выставку посетили 300 человек и по ней была составлена картотека; 6) проводило взаимную информацию о справочно-библиографической работе через телефон, переписку и посещение библиотек.

При ОСО объединялись научные библиотеки одной и той же специальности: например, педагогические, литературные, специально-экономические. Они координировали выписку иностранной литературы и разного рода работы «в связи с текущим моментом», организовывали курсы по повышению квалификации своих работников.

Во главе Объединения социально-экономических библиотек стоял директор Библиотеки ЛОКА А. Я. Мейнстер. К концу 1934 г. это Объединение охватывало 18 библиотек из 44, имевшихся в Ленинграде. Так как я заведовал справочно-библиографическим отделом Библиотеки ЛОКА, то вся работа Объединения проходила через мои руки.

Объединение давало поквартальную информацию о новых иностранных поступлениях, сводный список иностранной периодики, получаемой в порядке обмена, сводный каталог учебной многоэкземплярной литературы в библиотеках для упорядочения межбиблиотечного абонементов, наконец, готовило издание русской и иностранной предметных картотек журнальных статей по экономике с 1930 г. Расписано было русских журналов в 1930 г. 80 названий, в 1931 г. – 67, в 1932 г. – 104, в 1933 г. – 104, в 1935 г. – 82, иностранных журналов за те же годы 10, 37, 35, 49, 54 и 43 названия. (Ф. 7. Оп. 1. № 58, 59).

Другие объединения делали подобные же работы и осведомляли о них ОСО.

Последнее мое соприкосновение с ГПБ произошло в 1946 г., когда я состоял одним из главных библиотекарей Библиотеки АН СССР в Ленинграде и участвовал в «Библиотечных чтениях Кабинета библиотековедения» ГПБ, устраивавшихся ею для приобщения к научно-методической творческой работе массы библиотечных работников не только Ленинграда, но и других городов.

9 октября 1946 г. я прочитал в Библиотечной секции Кабинета библиотековедения доклад на тему «Издатель Капитала К. Маркса Николай Петрович Поляков» (см. Архив ГПБ. Ф. 2. Оп. 7. 1946. № 10).

Доклад был стенографирован и впоследствии напечатан сокращенно в журнале «Вопросы истории» за 1947 г. № 6.

В этом докладе были даны разысканные мною в Центральном государственном историческом архиве сведения о жизни издателя Н. П. Полякова и списки изданных им и подготовлявшихся к изданию, но уничтоженных цензурой книг, а также отзывы цензоров о ряде изданных Поляковым книг (эти списки в «Вопросах истории» были напечатаны с большими пропусками).

В ноябре 1946 г. я прочитал в Кабинете библиотековедения доклад «Проект Министерства книжного дела», тезисы которого я нашел в Кабинете библиотековедения (шифр Т 474) с датой в конце: «9.11.1946 г.».

Проект этот был послан мною в Комиссию законодательных предложений при Верховном Совете СССР, и я получил от нее извещение, что он будет использован.

Вскоре появилось не Министерство книжного дела, а Министерство культуры, в которое было включено книжное дело.

Вот некоторые из тезисов доклада «Проект Министерства книжного дела»:

1. Колоссальный и все растущий спрос на знания в СССР требует огромного скачка вперед в рационализации и объединении издания, регистрации, библиотечной и библиографической обработки и распространения книг. Этой рационализацией и объединением должны заняться министерства книжного дела республиканского масштаба, возглавляемые Всесоюзным Министерством книжного дела СССР.

2. Рационализация в издании книг отдельных авторов может быть достигнута тем, чтобы книги до их напечатания прошли дискуссию и утверждение в каком-нибудь научном коллективе, а наиболее сложные по содержанию книги и статьи составлялись не единичными авторами, а коллективами авторов, и тоже прошли дискуссию.

3. В первую очередь надо печатать книги, ускоряющие проникновение а) знаний о рационализации производства, идей о рациональном воспитании и общественно-политических знаний *в массы* и б) новейших методов работы и достижений науки и политики *в среду ученых*.

4. Годичные и пятилетние планы издания книг и статей для журналов должны разрабатываться, начиная с первичных научных учреждений, в связи с проблемами, выдвигаемыми в них производством, затем передаваться в издательские отделы республиканских министерств книжного дела, которые, со своими замечаниями, вытекающими из общереспубликанского плана развития хозяйства, передают их в соответствующие отраслевые академии и Всесоюзную Академию наук. Последние согласуют с ними свои собственные планы и после окончательной их классификации и отбора передают в Издательский отдел Всесоюзного Министерства книжного дела.

5. Книги, не вошедшие в план изданий, но все же одобренные первичными научными коллективами, должны печататься литографским способом малыми тиражами.

6. Надо печатать в каждой книге ее краткий автореферат, именной и предметный указатели и резюме на 2–3 иностранных языках. Это поможет ускорить и усовершенствовать издание наших энциклопедий и создать краткий

энциклопедический однотомный словарь, который сделает ненужными аппараты примечаний к нашим классикам науки и литературы.

7. Сверх общих и специальных журналов с оригинальными работами надо издавать центральные информационные *реферативные* журналы по отдельным отраслям науки, выходящие ежемесячно.

8. Тиражи книг и журналов должны быть гораздо больше, чем теперь, с учетом потребности в них. Все книги, журналы и справочники объемом более 200 страниц, предназначенные для школ и библиотек, должны переплетаться и снабжаться внутри переплета кармашком для всех карточек, требуемых библиотечной и библиографической обработкой книг и статей. Карточки эти составляются книжными палатами, которые снабжают ими все библиотеки и становятся центрами не только регистрации, но и библиотечной и библиографической обработки книг и их распространения.

В пункте 12 говорилось, что «для всех библиотек политико-просветительного типа надо создать единый систематический печатный каталог, каждые три года дополненный, с авторским и предметным указателями».

В пункте 15 говорилось: «Международная книга» издает «Летописи зарубежной книги», и «Летописи зарубежной периодики» с указанием городов и библиотек, куда направлена та или иная книга или журнал. Эти «Летописи» сыграют роль сводного каталога иностранной литературы для всех библиотек СССР.

Книжник-Ветров И. С. Воспоминания о Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // ОР РНБ. Ф. 1138. Оп. 1. Д. 359. Л. 2–45.